

А. Трачевский

Новая история
Том 1. 1750-1848 гг.

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Трачевский А.**
Новая история: Том 1. 1750-1848 гг. / А. Трачевский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 728 с.

ISBN 978-5-519-49203-4

ISBN 978-5-519-49203-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

книгъ, увидѣли въ нихъ обыкновенную злокозненность и единогласно приговорили ихъ къ истребленію.

Къ счастью, у меня случайно сохранился экземпляръ, съ котораго я и сдѣлалъ настоящее изданіе. Пусть новая Россія судить, насколько заслуженны были пытки, вынесенныя авторомъ злополучныхъ книгъ.

Мнѣ остается прибавить, что буквы *Д. И., С. И., Р. И.* при §§ означаютъ мои же сочиненія—*Древняя Исторія, Средняя Исторія* и *Русская Исторія*. Они находятся на складѣ въ типографіи М. М. Стасюлевича (Васил. Островъ, 5 линія, 28).

А. Трачевскій

С.-Петербургъ, 25 мая 1906 г.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

III. „Просвѣщеніе“ и преобразованія. Около 1750—1789.

§ 157. Европа въ половинѣ 18-го вѣка.—Около половины 18-го вѣка Европа очевидно готовилась къ всеобъемлющимъ *переворотамъ* (§ 156). Всюду дышалось тяжело. Во всемъ чувствовалась томительная духота, въ силу явныхъ противорѣчій, несовмѣстимости старыхъ и новыхъ началъ жизни, которыя стояли рядомъ во всеоружіи, пугая и раздражая своими непоконченными счетами. Еще были властны *пережитки* (Д. И. § 1) средневѣковья; и ихъ гнетъ отягчался роковымъ, неизбежнымъ искаженіемъ силъ, выступившихъ сначала на борьбу съ ними, но обманувшихъ потомъ упованія массъ.

Въ *политикѣ* абсолютизмъ, еще не успѣвшій искоренить остатки феодализма, уже выродился до того, что его считали „непросвѣщеннымъ“, неразумнымъ Левіаганомъ (§ 145). Въ *общественномъ* быту мятежную рыцарскую аристократію смѣнили „привилегированные“ (§ 131),—эта опора абсолютизма, подобострастная и покорная передъ нимъ, спесивая и властная передъ массами: лишенные политическихъ правъ, они судорожно цѣплялись за свои помѣщичьи льготы, за эти пережитки феодализма въ общественномъ строѣ, не только губя благосостояніе массъ, но и попирая ихъ человѣческое достоинство. Привилегированные, т. е. духовенство и дворянство, эти первые „чины“ государства, угнетали даже „третій“ чинъ, мѣщанство или буржуазію, которая служила лишь для безплоднаго наполненія ихъ дырявыхъ кармановъ да бездошлой казны, сама еще не пріобрѣвши никакихъ правъ. „Народъ же (peuple) былъ еще „канальей“ (§ 131), который содержалъ своимъ потомъ и кровью и государство и всѣ три чина. Онъ еще не вездѣ высвободился изъ-подъ ярма крѣпостничества, а уже подпадалъ новому игу — господству „капитализма“ (§ 153). Въ его душѣ таилась злоба отъ оскорбительной суетности и роскоши всѣхъ трехъ чиновъ, — отъ этого гнилого плода капитализма и матеріальной культуры, придававшего оттѣнокъ чваннаго аристократизма даже быту мѣщанъ, особенно въ его разсадникѣ, уже богатой Англіи (§ 131).

Не видѣвшій ни закона, ни справедливости, ни человѣчности, народъ былъ лишенъ и утѣшеній религіи. Церковь не нисходила приглубить его ожесточенное, обледенѣвшее сердце тепломъ міровой любви, смягчить его раны бальзамомъ упованія на спасеніе за гробомъ, утолить его жажду знанія, пролить свѣтъ въ его убогую душу: она сама стала учрежденіемъ отъ міра сего, которое терпѣлъ ревнивый абсолютизмъ лишь потому, что она освящала его пороки ученіемъ о „Божіей милости“ (§ 132). Прелаты сами были „первымъ“ чиномъ, главными помѣщиками, а забитое низшее духовенство, особенно сельскій батюшка, этотъ членъ народной семьи, былъ канальей въ рясахъ. вмѣсто нагорной проповѣди, они внушали массамъ, едва знавшимъ имя Спасителя, скотское рабство и старались скашивать умственные вершины человѣчества, преслѣдуя вождей мысли, какъ „заподозрѣнныхъ“ (suspects), какъ разрушителей основъ. Послѣ ужасовъ Тридцатилѣтней войны, нетерпимость, человѣконенавистничество вошли внутрь церкви, какъ гангрена: въ нѣдрахъ самого католичества и протестантства кипѣли усобицы между кучами сектъ и монашескихъ орденовъ (§ 133).

Даже въ *идейной культурѣ*, въ этой гордости новой исторіи, чувствовался душный полумракъ. Передовымъ людямъ все еще приходилось бороться съ крѣпкими пережитками „обскурантизма“ (С. И. § 150), умопомраченія, и тратить силы лишь на прививку толпамъ вкуса къ просвѣтительности. Въ понятіяхъ (§ 133) еще коренился церковный идеализмъ средневѣковья, заглушая, какъ сорная трава, ростки свѣтскаго реализма поры Возрожденія. Это было въ глаза въ зеркалѣ умственного настроенія времени, — въ педагогіи, и не только школьной, но и университетской (§ 138). Но и въ самой наукѣ, при всѣхъ ея гордыхъ успѣхахъ, еще ясно обозначались слѣды старины; а во многихъ ея отрасляхъ новый духъ былъ скованъ узами новаго идеализма, философскаго, мѣстами граничившаго съ спиритуализмомъ схоластики (§ 144). А главное, наука еще была кабинетной тайной немногихъ педантовъ: она мало проникала въ массы, гдѣ кишѣли суевѣрія и предрасудки средневѣковья; а наверху господствовало дитя аристократизма — мертвящая условность, этотъ пошлый голосъ искусственнаго „общественнаго мнѣнія“ модниковъ, который сковывалъ душу, задерживалъ порывы генія. Лжеклассицизмъ, рококо, „колоссальный стиль“, съ ихъ нелѣпой шаблонностью, ледяной аффектаціей и рабской угодливостью сильнымъ міра, да жеманство развратнаго „свѣта“ или „учтивцевъ“ губили естественность и народность во всѣхъ проявленіяхъ жизни, отъ святыни души до внѣшности нарядовъ (§§ 134, 140, 152).

Страданія и недовольство были тѣмъ сильнѣе, что *общество*, или „интеллигентная“, разсуждающая часть народовъ, стало развитѣе, чув-

ствительнѣе прежняго. Оно выросло даже въ объемѣ: оно состояло уже не изъ одной знати, но и изъ многочисленной буржуазіи. Эта свѣжая сила, къ которой переходилъ и матеріальный достатокъ, особенно стремилась къ новому образованію, чтобы превзойти своего врага—классъ привилегированныхъ, застывавшій въ условныхъ формахъ выдохшагося воспитанія. Выдвигавшій ее сначала абсолютизмъ способствовалъ общественному развитію безсознательно, расторгая путы феодализма, раздвигая рамки жизни: сношенія становились быстрѣе, обширнѣе и безопаснѣе. Сліяніе умственныхъ силъ порождало истинное *общественное мнѣніе*, которое уже критиковало пороки правительствъ, особенно подъ вліяніемъ англійскихъ революцій (§ 133). Отчасти благодаря тому же абсолютизму, матеріальный или *экономическій* интересъ начиналъ преобладать надъ церковнымъ идеализмомъ; а онъ велъ къ чувству независимости богача, къ расширенію потребностей и сношеній, къ единенію между людьми, а главное—къ жаждѣ просвѣщенія. Но больше всего этотъ переворотъ въ міровоззрѣніи зависѣлъ отъ успѣховъ въ литературѣ, въ этой колыбели новыхъ понятій.

§ 158. Основы „Просвѣщенія“.—Работа богатырей Возрожденія (С. II. §§ 146—150), конечно, не пропала даромъ. Они внесли въ жизнь *новыя* долговѣчныя *основы*, отмѣнявшія устои средневѣковья—церковный идеализмъ, феодальное чинопочитаніе и „патріотизмъ колокольни“ (С. II. § 156). Прежде всего нужно было расшатать стержень старины — папство. Критическій духъ новаго времени обнаружилъ, что не все на свѣтѣ — божественное установленіе: наука и сатира показали, что схоластика—не небесное всевѣдѣніе, а игра празднаго ума, а готикъ—не святыня, но дѣтская работа ремесленниковъ; протестантизмъ доказалъ, что папа—не Христосъ. Затѣмъ критика коснулась и новыхъ силъ, истреблявшихъ средневѣковье, но уже ставившихся, въ свою очередь, тормазомъ развитія. Низверженіе Габсбурговъ въ Нидерландахъ и Стюартовъ въ Англіи засвидѣтельствовало, что абсолютизмъ не есть неизблемое учрежденіе „Божіей милостью“. Въ этихъ же странахъ, рано пріобрѣвшихъ политическую свободу, возникло теоретическое установленіе новыхъ началъ. За Голландіей и Англіей послѣдовала и Франція, — страна образованная и познавшая горькимъ опытомъ ветхость абсолютизма, послѣ банкротства его идола, Людовика XIV (§ 116). Живая, даровитая нація, создавшая легкій языкъ и литературную форму, эти орудія единенія человѣчества, французы привели новыя начала въ ясную энциклопедическую систему и распространили ихъ по міру. Эта система получила названіе „новой философіи“ или „философіи энциклопедистовъ“ (§§ 138, 144), которая именуется еще *Просвѣщеніемъ*. Старина представлялась уже, какъ при Возрожденіи, мракобѣсіемъ.

Такъ какъ Просвѣщеніе было развитіемъ Возрожденія, то въ основаніи его лежали главные устои гуманизма—*реализмъ, демократизмъ и космополитизмъ* (С. И. §§ 148, 149). Въ особенности почитался первый, какъ отрицаніе церковной основы средневѣковья. „Просвѣщеніе“ даже называется *раціонализмомъ*, такъ какъ признавалось только свидѣтельство „разума“ (ratio, raison). А такъ какъ разумъ означалъ умъ, просвѣтленный наукой, и именно естествознаніемъ, то вскорѣ дошли до *матеріализма*, т.-е. до отрицанія всего сверхчужественнаго, не исключая души, съ ея „врожденными“ идеями. Изъ этихъ основъ вытекали три руководящія начала, которыя служили людямъ второй половины 18-го вѣка сознательнымъ знаменемъ жизни. 1) *Свобода* (liberté), въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, но, прежде всего, въ области политики. Теорію абсолютизма (§ 130) смѣнило правило, что государство создано „для народа“, который воленъ низвергнуть забывающее его правительство. Осуществленіе этого идеала считали возможнымъ лишь при конституціонной монархіи, какъ въ Англіи, или въ демократической республикѣ, какъ въ Америкѣ. Тогда только, думали, возможна и истинная свобода совѣсти (вѣротерпимость), мысли, слова. Это начало не допускало также узъ условности, неестественности всюду—отъ литературы до костюмовъ и садовъ. 2) *Братство* (fraternité) или человѣчность во всемъ,—начало, тѣсно связанное съ свободой и стремленіемъ къ простотѣ, правдѣ. „Просвѣщеніе“ усиливалось провести въ жизнь, витавшую лишь въ облакахъ, любовь къ ближнему, безъ различія званія, пола, націи и религіи. Этотъ космополитизмъ уже ясно проявлялся всюду, въ формѣ филантропіи, которая оплакивала даже участь негра и преступника и выказывала родственныя чувства животнымъ (§ 134). 3) *Равенство* (égalité), какъ плодъ глубокаго познанія начала братства. Оно связано съ ненавистью къ феодализму, ко всякимъ привилегіямъ, а, слѣдовательно, и съ демократизмомъ. Тогда умъ, знаніе, талантъ, великодушіе впервые были рѣшительно поставлены выше знатности, богатства и власти, внутреннія человѣческія достоинства — выше внѣшнихъ, случайныхъ преимуществъ.

Около половины 18-го вѣка новыя начала проглядывали всюду, во всѣхъ областяхъ жизни (§ 156). Всѣ ударялись въ критику современности съ ногъ до головы: съ Дидро началась даже художественная критика, съ Бофора — историческая (§ 146). Тронулась и самая косная сторона быта — нравы. Всѣ стремились возстановить права естественности, правды внутренняго содержанія. Углублялись въ самихъ себя, въ собственный разумъ, бѣжали изъ духоты столицъ и „свѣта“, на „лоно природы“, въ народъ. Снѣдаемые презрѣніемъ къ лжежизни, къ условности, доходили до чудачествъ, до слезливой сентиментальности,

проникавшей уже всюду — отъ проявленія дружбы до парковъ и модъ (§ 137).

§ 159. Монтескьё и Вольтеръ.— „Просвѣщеніе“ достигло верха своего развитія съ половины 18-го вѣка, когда оно сосредоточилось во Франціи. Здѣсь, посреди множества болѣе мелкихъ талантовъ, дѣйствовали его богатыри—Монтескьё, Вольтеръ, Руссо и Дидро. Періодъ начинался словно ихъ многознаменательнымъ сліяніемъ: въ 1749 г. Вольтеръ, во всей славѣ, отправился въ Берлинъ сѣять новыя сѣмена по Европѣ, Монтескьё издалъ свой „Духъ Законовъ“, Руссо выступилъ съ своимъ трактатомъ „О литературѣ и искусствахъ“, Дидро началъ „Энциклопедію“.

Эта эпоха началась необычайнымъ успѣхомъ „Духа Законовъ“, менѣе гениальнаго, но наиболѣе положительнаго, самаго научнаго изъ ея вождей — Монтескьё (Montesquieu), вскорѣ умершаго (1755). А этотъ отецъ критики и раціонализма въ новѣйшемъ государствѣдѣніи былъ упорнымъ проповѣдникомъ свободы вообще, и политической въ особенности: онъ видѣлъ идеаль общезжитія въ британской конституціи и даже жилъ англичаниномъ (§ 145). Его сочиненія проникнуты также духомъ гуманности. Онъ не понималъ только равенства: истый англomanъ, онъ былъ аристократъ въ душѣ.

Тѣ же два начала новой жизни лежали въ основаніи дѣятельности Вольтера (Voltaire), который былъ всего на 5 л. моложе Монтескьё, но пережилъ его на 23 г. Съ началомъ второй половины 18-го в., когда Вольтеръ потерялъ свою маркизу (§ 141), открывается самая важная пора его жизни, цѣлая историческая эпоха: тогда новую философію стали называть и „вольтерьянствомъ“. Первые 10 л. Вольтеръ былъ живымъ апостоломъ этого ученія: онъ разносилъ его лично по Германіи, Швейцаріи и Франціи, заставляя склоняться передъ собой самый державный скипетръ въ Европѣ—Фридриха II. Затѣмъ укромный уголокъ близъ Женевы, у границъ Франціи, замокъ Фернэ, сталъ храмомъ этого воплощеннаго Разума, интеллигентнаго міра. Онъ расцвѣлъ, обогатился отъ невиданнаго поклоненія „фернейскому отшельнику, патріарху, философу“ — этому мастеру пера, списавшему миллионы денегъ, дружбу вѣнценосцевъ, угодливость царедворцевъ и вельможъ, благоговѣніе общества, любовь толпы. Если ужъ въ замокъ маркизы Шатлэ люди стекались на поклоненіе „божествамъ“, которыя и сами разъѣзжали по Мекенатамъ да подлещались къ Версалию, то теперь стало заразой паломничество къ храму кумира, который воздвигъ часовню съ горделивой надписью по латыни: „Вольтеръ—Богу“.

Фернэ осаждался любопытными всѣхъ званій, жаждавшими провѣдать, что строчить царь разума, взглянуть хоть на его убѣжище, кусить, за бѣшеную цѣну, его обгрызанное перо. Почта ежедневно

приписала отовсюду груду писемъ и всяческихъ запросовъ оракулу міра; и среди нихъ красовались коронные вензеля „философовъ на престолѣ—Фридриха II и Екатерины II. Черезъ своихъ невидимыхъ пособниковъ старикъ-сила зналъ о малѣйшемъ проявленіи зла или мракобѣсія въ любомъ уголку свѣта. А изъ Фернэ летѣли по міру приговоры неумолимаго цензора жизни, неусыпнаго стража Просвѣщенія. Масса этихъ замѣтокъ, эпиграммъ, памфлетовъ въ прозѣ и стихахъ, иногда въ одномъ мѣткомъ словѣ, становившемся поговоркой, — эта всемірная газета, сыпавшая направо и налево искры генія и убійственной насмѣшки во имя великихъ новыхъ идей, производила безпримѣрное вліяніе. Корчить „господина Вольтера“ становилось модой: оракуль пустилъ въ ходъ кофейни и сократилъ фижмы (§ 152); „вольтеровскія кресла“ сдѣлались признакомъ эпохи.

Въ краткой исторіи побѣдъ свѣта и правды записаны небывалыя дѣла фернейскаго отшельника, которыя также лучше всего поясняютъ вольтерьянство. Въ Тулузѣ, у добраго купца Каласа, гугенота, повѣсился сынъ, въ припадкѣ помѣшательства. Церковники закричали, что юноша убить отцомъ, за желаніе перейти въ католичество, воспламенили чернь крестными ходами къ „мученику“; и старикъ Каласъ былъ колесованъ, другой его сынъ былъ изгнанъ, дочери отданы въ монастырь. Вдова бросилась въ Фернэ — и патріархъ поднялся во всемъ своемъ величіи: онъ 3 года не давалъ покоя общественному мнѣнію и властямъ и издалъ свою знаменитую „Терпимость“ (1765). Судъ пересмотрѣлъ дѣло Каласа и вознаградилъ осиротѣлую семью. Когда эта семья томила въ тюрьмѣ, еще тамъ же, близъ Тулузы, епископъ заточилъ въ монастырь дочь кальвиниста Сирвена и до того принуждалъ ее обратиться въ католичество, что несчастная бросилась въ колодезь. Опять толпа была нафанатизована — и судъ обвинилъ семью въ убійствѣ дѣвушки. Но Сирвенамъ удалось бѣжать; а Вольтеръ не унимался 9 л., пока ихъ не оправдали. Тогда же онъ горячо вступился за двухъ юношей, которыхъ пытали и приговорили къ смерти въ Аббевилѣ за то, что они не сняли шапокъ передъ крестнымъ ходомъ, а преклонили колѣна передъ „Философскимъ Словаремъ“ Вольтера: одинъ изъ нихъ былъ колесованъ, другой бѣжалъ къ Фридриху II, который пожаловалъ ему офицерскій чинъ. Въ другой разъ Вольтеръ вмѣшался въ юридическое убійство одной четы: если мужъ былъ колесованъ, зато жена была спасена. Наконецъ, ему удалось возстановить честь одного невинно казненаго генерала.

Тогда же патріархъ Просвѣщенія громилъ, въ принципѣ, всякія суевѣрія и предрассудки, нарушенія правъ и человѣчности, фанатизмъ во всѣхъ сферахъ, пытки, крѣпостничество. Въ особенности онъ выдвигалъ свой любимый боевой кличъ: „давите негодницу“ (§ 144); и